

<А. И. ГУКОВСКИЙ>

Александр Блок. Стихи о Прекрасной Даме

Книгоиздательство «Гриф». Москва, 1905

Став на точку зрения, отвергаемую г. Блоком и теми, кто с ним, не трудно показать, что его стихи — прескверные стихи, и даже совсем не стихи. Один образец из многих, не самый характерный, но зато короткий:

По городу бегал черный человечек,
Гасил он фонарики, карабкаясь на лестницу.
Медленный, белый подходил рассвет,
Вместе с человеком взбирался на лестницу.
Там, где были тихие, мягкие тени —
Желтые полосы вечерних фонарей, —
Утренние сумерки легли на ступени,
Забрались в занавески, в щелки дверей.
Ах, какой бледный город на заре!
Черный человечек плачет на дворе¹.

Если кто-нибудь скажет, что это не стихи, а чепуха, это не будет убедительно для г. Блока. Он привык к непониманию толпы; это его нота.

Я был весь в пестрых лоскутках,
Белый, красный, в безобразной маске.
Хохотал и кривлялся на распутьях,
И рассказывал шуточные сказки...
Кто-то долго, бессмысленно смеялся,
И кому-то становилось больно.
И когда я внезапно сбивался,
Из толпы кричали: «Довольно»!²

Но мы и не рассчитываем убедить г. Блока; мы отмечаем его стихотворения только потому, что в них декадентская теория

наиболее решительно отказывается оправдать декадентскую практику. Теория новой, символистской, декадентской, неоидеалистской лирики исходила, как известно, из того положения, что средства старой поэзии исчерпаны, что посредством ее приемов нельзя сказать больше того, что она сказала; новая поэзия создаст новые формы и, таким образом, получит возможность передать при их посредстве новое содержание. Так было всегда в развитии поэзии; так будет и на этот раз.

Так оно действительно бывало — только в обратном порядке. В общественном и индивидуальном настроении чувствовалось нечто новое, невыразимое в старых формах; создавались новые формы, в них находили выражение новые настроения, а теория покрывала все это, доказывая законность и жизнеспособность новых художественных форм. У нас было наоборот: не литературная теория пришла вслед за творчеством, а стали сочинять для того, чтобы представить образцы, продиктованные провозглашенной теорией. Понятно, какую цену могла иметь такая поэзия. Прозаическая по источнику и риторическая по содержанию, она займет место только в истории русской версификации. Наиболее характерным и ярким ее образцом останется поэзия Бальмонта, эта Голконда выдумки и Сахара вдохновения.

С ним и за ним пошли многие, лишенные его способностей. Уже он пытался бросать ряды звонких словесных комбинаций в расчете на то, что доверчивая мысль читателя связывает с ними какое-нибудь определенное содержание. Г-н Блок пошел по тому же пути. При самых лучших намерениях и внимании к замыслу автора совершенно невозможно решить, что он хотел — хоть для себя — выразить, например, рассказом о том, как «черный человечек плачет на дворе» или как

Восхищенью не веря,
С темнотою — один —
У задумчивой двери
Хохотал арлекин³.

Вот настоящая «поэзия для немногих» — для тех, кому автор по дружбе дал ключ к иероглифам своей заплетающейся поэзии. А между тем ведь не этих немногих имела первоначально в виду эта поэзия; предполагалось, что вокруг новых слов сгруппируется небольшая община тонко чувствующих и тонко понимающих, которые разнесут повсюду весть о новом поэтическом откровении и прославят его. Немного вышло из этого шума. Над нашими декадентами теперь даже не смеются. То

небольшое внимание, которым они пользовались, пока им удавалось *épater le bourgeois*⁴, отвлечено предметами, менее возвышенными и более насущными. <...>

В этих условиях появляется лирический сборник г. Блока, где уродливости нового поэтического движения доведены до абсурда. Едва ли в этом была необходимость.

В разноголосице оценок на долю г. Блока достается немного похвал; определения его фигуры будут различны. Для одних он кривляка и спекулянт на модное извращение вкуса, для других больной вырожденец. Нам представляется он гораздо проще и обыкновеннее. В каждом литературном движении бывают такие межеумочные фигуры, такие не совладавшие с собой носители невысказанных мыслей. Они бывают покрупнее, но чаще остаются в этом загадочном образе. Трудно судить о том, что им хотелось и не удалось высказать. Ясно одно: у них не оказалось для этого сил. Нельзя, однако, утверждать, что они остаются за пределами литературы: наоборот, они принадлежат к обширной группе литературных курьезов.

